

Стоило миновать гору Уцзян, как показались ворота Сюанью.

У стелы «Слезь с коня» паланкин Чи Нина опустился на землю. Как бы юноше ни хотелось скрыть свой позор от чужих глаз, сейчас он мог лишь беззвучно твердить молитву, обращенную к злому богу Юаню: «Пусть меня никто не заметит, пусть никто не заметит, пусть никто не заметит...»

То ли и впрямь помогло заступничество господина Юаня, то ли Чи Нину просто дьявольски повезло, но за всё время — от проверки пропусков до самых дворцовых врат — он не встретил ни единой знакомой души.

Через боковую створку ворот Сюанью он вошёл вглубь дворца в полном одиночестве, не взяв с собой ни единого слуги.

Прознав о вызове, Младший канцлер Ся Ся порывался приставить к нему нескольких искусных в ратном деле евнухов из Восточного притвора, однако Чи Нин наотрез отказался. Во-первых, того требовали суровые дворцовые правила, а во-вторых, юноша свято верил: пока с ним господин Юань, его жизни ничто не угрожает.

Более того, зная, что смерть ему не грозит, Чи Нин даже втайне надеялся, что кто-нибудь решит преградить ему дорогу или оскорбить.

Ему позарез нужно было казаться незащищённым, вызывать жалость.

Ведь когда-то в спорах о престолонаследии Чи Нин жестоко обидел нынешнего государя, и такую обиду из памяти не вычеркнуть. К тому же... юноша не собирался отрекаться от своего выбора.

Да, именно это решение он в итоге озвучил господину Юаню.

Чи Нин до сих пор не считал ошибкой то, что упрямо пытался возвести на трон маленького принца. Ошибочными были лишь его тогдашние методы — глупые и неосмотрительные. Этот урок он усвоил на всю жизнь.

Он не хотел предавать собственные убеждения, но жаждал смягчить гнев правителя. Лучший способ добиться этого — внушить новому императору, что упрямство Чи Нина диктовалось исключительно верностью закону и ритуалам. В престолонаследии незыблем древний уклад: «Отец умирает — наследует сын; брат умирает — наследует брат. При наличии законного сына — возводить его; при отсутствии такового — возводить старшего». И «сын» в этом нерушимом правиле всегда стоял впереди «брата».

Новый государь был натурой противоречивой: сам совершил величайшее беззаконие, узурпировав власть, но при этом страстно, до глубины души желал, чтобы все вокруг чтили

незыблемые приличия.

Чистой воды лицемерие, но именно в этой слабости таился единственный шанс Чи Нина вернуть утраченное влияние.

Чем сильнее его станут травить и унижать во дворце, тем ярче на фоне чужой подлости воссияет его благородство — чистое, незапятнанное, подобно безупречной яшме на осеннем ветру. Лишь когда император поймет это, бывшая дерзость Чи Нина предстанет в его глазах не мятежом, а самоотверженной защитой священных устоев.

Чи Нин мысленно обратился к злому богу:

«Как думаешь, найдется ли желающий проучить меня?»

«Мой тебе совет, — отозвался Юань, — лучше бы тебе сейчас никого не встречать».

Чи Нин в недоумении склонил голову набок:

«Почему? Слишком наигранно выйдет?»

Юань тяжело вздохнул. Меньше всего ему хотелось, чтобы Чи Нин нянчился с чужими человеческими отродьями, но...

«Будь я на твоём месте, я бы поспешил заглянуть за те чаны с водой по левую руку, пока за тобой не прислали слуг из дворца Недеяния».

Для тушения пожаров во всех уголках Запретного города держали огромные чаны. Кое-где их число доходило до ста восьми. У ворот Сюанью, главных на севере дворца, этих сосудов тоже хватало. Всегда полные воды, они выстраивались рядами — глубокие, отливающие матовой чернотой, украшенные резьбой с диковинными зверями и птицами.

Завернув за два массивных чана, украшенных тигриными мордами, Чи Нин замер. Там, сжавшись в комок, лежал маленький принц Вэнь Чэнь. Ребенок бредил в жестоком жаре и уже почти лишился чувств.

— Ваше Высочество! — воскликнул Чи Нин, позабыв о всякой осторожности.

К счастью, широкая площадь у ворот Сюанью пустовала, а стражники еще не вышли на обход, иначе беды было бы не миновать.

Мальчик был одет в некогда роскошные, но теперь изрядно поношенные одежды.

Растрепанные волосы облепили бледное личико, пылавшее неестественным, опасным жаром.

Чи Нин прижал ребенка к себе и уже хотел было бежать за лекарями, но Вэнь Чэнь со слабым стоном приоткрыл один глаз и вцепился в его руку:

— Не... не надо...

Принц едва дышал, удерживая ускользающее сознание последним усилием воли. Из-за жара он не мог разглядеть лица спасителя, но до его обоняния донесся знакомый, ни с чем не сравнимый аромат, исходивший от одежды Чи Нина. Мальчик так и не узнал, что это за благовония, хотя прежде расспрашивал о них не раз. Линь-Линь в ответ лишь виновато улыбался:

— Ваш слуга и сам не знает, как это объяснить, Ваше Высочество.

Да, это точно был его Линь-Линь.

— Линь-Линь... — прохрипел ребенок. Его голос, некогда звонкий и чистый, теперь напоминал шуршание сухого песка, но он упорно шептал дорогое имя.

В груди Чи Нина, всегда питавшего необъяснимую слабость к беззащитным детям, защемило от жалости. До того как покойный государь покинул этот мир, молодой евнух почти не сталкивался со старшим сыном императора, рожденным от простой наложницы. Чи Нин и его наставник строили совсем иные планы: они собирались дожидаться, пока императрица Цянь произведет на свет законного наследника престола, чтобы Чи Нин по примеру учителя занял место при дворе юного принца.

Но небо рассудило иначе. До самого рокового дня императрица так и не подарила супругу долгожданного дитя.

И тогда Чи Нин, не имевший к старшему принцу никакого отношения, вдруг повиновался неведомому порыву. Он один осмелился выступить вперед и прямо в лицо лицемерным министрам, прикрывавшимся высокими речами о долге, бросить дерзкий вопрос: «У покойного государя есть первородный сын! С чего вдруг вы призываете удельного князя занять трон?!»

Маленький принц тогда испуганно жался к его спине, дрожа всем телом, но не отступал ни на шаг.

Словно рядом с этим человеком ему больше не грозила никакая беда.

— Ваше Высочество, — тихо произнес Чи Нин, — ваш слуга вернулся слишком поздно.

Ему не нужно было расспрашивать слуг, чтобы понять, в какой ад превратилась жизнь сироты в последние месяцы. Но Чи Нин и помыслить не мог, что их мимолетная связь заставит измученного принца бежать к северным воротам, чтобы встретить его.

— Линь-Линь... ты не... не виноват, — наконец выдавил из себя Вэнь Чэнь слова, которые так долго держал в сердце. — Это я... я оказался слабым... ни на что не годным.

Ему так и не удалось сплотить вокруг себя Поднебесную и стать достойным правителем.

В этой жизни он не допустит повторения былых ошибок. Больше ни один напыщенный книжник не посмеет преградить путь экипажу Чи Нина и, брызжа слюной, обвинять его в предательстве и разорении страны ради собственной выгоды. Никто не посмеет утверждать, будто они возвели на престол ничтожество, а истинный благодетель империи — узурпатор Ли.

— Всё не так! Всё должно быть не так! — внезапно закричал Вэнь Чэнь. Сознание ребенка помутилось от сильного жара, и он забился в руках евнуха, срывая голос на хриплый плач.

Чи Нин в панике взмолился:

«Господин Юань-дажэнь, умоляю, помогите!»

Юань мысленно выругался. «Одни неприятности от этих смертных», — именно поэтому он так не хотел подпускать юношу к мальчишке. Злой бог не был всемогущим, и сейчас, столкнувшись со странной, неизученной «одержимостью», терзавшей душу принца, он мог лишь подавить ее силой. Справиться с ней труда не составляло, но...

«Прошу вас, сделайте хоть что-нибудь!» — Чи Нину некогда было взвешивать риски.

Стоило ему призвать божество, как из вышитого шелкового мешочка на его поясе вырвалась струйка черного тумана, недоступная взору обычных смертных. Насыщенная багровым, кровавым отблеском дымка несла в себе первобытную жуть. Эта сила веками служила лишь для убийства, но теперь, по воле капризного мальчишки-евнуха, примерила на себя роль целителя. Сжавшись до тончайшего покрова, туман нежно обвил тельце принца. Несколько бесконечных мгновений две невидимые сущности вели яростную борьбу в теле ребенка. Наконец Вэнь Чэнь перестал метаться, а обжигающий жар начал стремительно спадать.

Однако едва лихорадка отступила, падение температуры не прекратилось.

Чи Нин с ужасом осознал, что держит в руках не живого ребенка, а глыбу тысячелетнего льда. Леденящий холод мгновенно просочился сквозь его одежду, заставив содрогнуться в промозглой сырости ранней весны.

«!!!»

Юань неловко кашлянул в сознании Чи Нина и торопливо отозвал свою силу обратно.

Дыхание принца выровнялось, а кожа вновь обрела живое, пусть и слабое тепло.

Между смертным и божеством повисло неловкое молчание. Лишь спустя некоторое время Чи Нин мысленно вздохнул:

«Быть слишком могущественным — тоже своего рода проклятие, верно?»

Юань почувствовал укол досады. Он так тщательно скрывал от Чи Нина, что не умеет соизмерять свое могущество с хрупкой человеческой природой, но устоять перед мольбами своего жреца вновь не сумел.

«Он выкарабкается, — холодно отозвался злой бог. — Одержимость затихла».

«А вы как себя чувствуете?» — обеспокоенно спросил Чи Нин.

Божество мысленно причмокнуло, изучая природу чужой одержимости, и недовольно проворчало:

«Его одержимость слишком тесно переплелась с памятью. Если я поглощу ее, мальчишка лишится рассудка и превратится в идиота. Не бойся, я лишь вдохнул аромат. Пахнет недурно... точь-в-точь жареное на углях мясо».

Намек был прозрачнее воды: Чи Нин остался должен ему пиршество.

Чи Нин, сам знатный гурман, прекрасно его понял:

«Я непременно что-нибудь придумаю. Спасибо за ваше милосердие».

Не успели они обсудить кулинарные изыски Великой Ци, как из-за поворота, словно небесное воинство, торопливо вынырнула процессия во главе с евнухом Ваном.

Евнух Ван, носивший звучное имя Ван Фугуй, являлся вернейшим слугой вдовствующей императрицы. Чи Нин когда-то слышал от своего наставника забавную историю его возвышения. Прежде этот человек приглядывал за любимой собачкой государыни по кличке Богатство. Когда песик испустил дух, скорбящий слуга, недолго думая, взял себе его имя — Фугуй. Подобная дерзость, как ни странно, пришлась императрице по душе, и она приблизила находчивого евнуха к себе.

Но поразительнее всего в судьбе Ван Фугуя было даже не это. Когда придворные шептались,

что столь изворотливый малый наверняка таит в себе бездонное честолюбие, со временем выяснилось: предел мечтаний этого верного слуги — действительно быть цепным псом своей госпожи.

Что ж, у каждого пса своя служба.

Сейчас преданность Ван Фугуя была Чи Нину на руку. Как бы ни относилась к нему самому вдовствующая императрица, она никогда не причинит вреда старшему принцу. Мальчик оставался единственным уцелевшим продолжением рода ее покойного царственного сына.

— Ваше Высочество! Дитя мое! Ну как можно было сбежать из дворца Вечного Спокойствия, не проронив ни слова? Вы едва не свели старого раба в могилу!

Ван Фугуй был чрезвычайно тучен, и при ходьбе его щеки и объемистый живот забавно колыхались, делая его похожим на породистого мопса. За его спиной шла целая толпа челяди. Двигались они шумно и открыто, совершенно не таясь от ищеек нового государя. Должно быть, вдовствующая императрица либо уже договорилась с императором Ли, либо имела достаточно веса, чтобы замять любой слух. Так или иначе, евнух Ван чувствовал себя полновластным хозяином положения.

Чи Нин поспешил передать угасающего принца на руки подоспевшим слугам.

Но в этот самый миг Вэнь Чэнь вдруг вздрогнул и очнулся. Не размыкая век, он мертвой хваткой вцепился в шелковый рукав Чи Нина и отчетливо, разделяя каждое слово, прошептал:

— Отец... не уходи.

Ван Фугуй и Чи Нин ошарашенно уставились друг на друга.

Лицо упитанного евнуха вытянулось от крайнего изумления. Он вперил в Чи Нина тяжелый, подозрительный взгляд, без слов вопрошая: «Какая неслыханная дерзость, Чи Нин! Ты позволил наследнику престола назвать себя отцом?!»

— Господин Ван, — выдавил Чи Нин под этим убийственным взором, — если я скажу, что пальцем его не трогал, вы мне поверите?

Ван Фугуй лишь сокрушенно покачал головой, буравя его взглядом:

— Господин Чи, вы сами-то в эти сказки верите?

В Запретном городе и за его пределами давно не осталось дураков, которые бы не знали о странной страсти Чи Нина собирать под свое крыло бездомных сирот и объявлять себя их

родителем.

<http://bllate.org/book/20385/2115333>